«В моих бы песнях жар и сила,
И чувства были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов».

Картина не передает жизненный факт как таковой. Задача поэта — не копировать жизнь, а «распределять тени красок, звуков, понятий и из разногласия творить согласие»,[1] отвращаясь от всего, что «развратно» и «гнусно» — словом, претворять реальность в своем творчестве и приводить ее к гармонии.

Для того чтобы картины воздействовали на воображение читателя, они должны быть «с природою сходственны». Поэтому слово становится «тенью» подлинных «красок» и «звуков», оно выражает цвет, свет, форму, пространство, движение, подчиняясь замыслу картины, а не отвлеченной структуре «красивого набора слов».

Можно проследить, как Державин непрерывно совершенствует свои изобразительные средства, уточняет и усложняет цветовые эпитеты, привлекает к задачам изобразительности размер, ритм, интонацию стиха и как он переходит от идеального пейзажа в духе Лорэна в оде «Ключ» к почти реальному пейзажу «Жизни Званской», от схематичной аллегории осени в оде «На рождение на севере» к торжеству изобразительной поэзии в пьесе «Персей и Андромеда».

Державин пришел в поэзию без литературно-теоретической подготовки, «без лиры, без скрипицы и не седлав при том Парнасска бегунца».[2] Казалось, он пришел без всякой системы. Между тем он заменил систему «красивого набора слов» системой живописной образности и, перенеся в поэзию приемы живописи, обрел тот «путь непроторенный и новый», которому дивились современники. *В письме к Козодавлеву (май 1783), скромно опровергая свое* сходство с великими поэтами, прославившими век Августа и Людовика, Державин говорит: «к несчастью я для Фелицы сделался Рафаэлем. . . Рафаэль, чтобы лучше изобразить божество, представил небесное сияние между черных туч. Я добродетели царевны противопоставил своим глупостям. . .»[3] Если в этом письме Державин говорит о живописном приеме в переносном, в фигуральном смысле, то в других случаях он действительно применяет этот прием в поэзии.

Ода «На выздоровление Мецената» (1781) начинается живописной картиной:

«Кровавая луна блистала
Чрез покровенный ночью лес,
На море мрачном простирала
Столбом багровый свет с небес.
По огненным зыбям мелькая,

[1] Рассуждение о лирич. поэзии. Собр. соч. Державина, т. VII, стр. 373.
[2] Собеседник, 1783, ч. X, стр. 25, Письмо к творцу «Фелицы».
[3] Собр. соч. Державина под ред. Я. Грота, т. V, стр. 369.